

А.А. Добровольский, И.Н. Валиев

**ЧАСТНОЕ ЛЕСОВЛАДЕНИЕ НА ЗЕМЛЯХ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ**

Введение. Российская Федерация располагает одним из крупнейших лесных фондов в мире: по данным Глобальной оценки лесных ресурсов (FRA) 2025 года леса занимают 828,4 млн га, что эквивалентно примерно 20% глобального лесного покрова [FAO, 2025]. При этом все леса, входящие в состав земель лесного фонда, находятся в исключительной федеральной собственности (ст. 8 Лесного кодекса РФ, 2006), что резко отличает Россию от большинства бореальных стран и формирует институциональные ограничения для долгосрочного, ориентированного на собственника управления лесными ресурсами [Шварц, Шматков, 2020].

За последние десятилетия в стране существенно сократилась площадь сельскохозяйственных угодий: по различным оценкам, с 1960-х по начало 2000-х годов из активного использования выбыло более 58,3 млн га сельхозугодий [Агроэкологическое состояние..., 2008], за период с 2001 по 2011 гг. – ещё более 17 млн га пашни [Жигунов и др., 2014], а суммарная площадь заброшенных земель сегодня оценивается в 76 млн га с прогнозом роста до 100 млн га к началу 2030-х годов [Родина, Закалюжная, 2023; Ярошенко, 2026]. Большинство этих площадей интенсивно зарастает древесно-кустарниковой растительностью (ДКР), формируя самовозобновляющиеся леса, которые фактически выпали из легального хозяйственного оборота [Новоселова и др., 2016; Гульбе и др., 2017; Беляева и др., 2019; Жижин и др., 2021].

Исследования российских авторов показывают, что видовой состав и производительность формирующихся на таких землях древостоев существенно варьируют в зависимости от природно-географических условий. При этом производительность таких древостоев во многих случаях превосходит показатели естественных лесов [Залесов и др., 2015; Zalesov et al., 2019]. В частности, искусственные лиственничники в 60-летнем возрасте на бывшей пашне обеспечивают средний прирост 7,5–12,3 м³/га в год и запас до 740 м³/га [Залесов и др., 2022], что в разы превышает среднероссийские показатели.

Сравнения с другими странами, находящимися в бореальном поясе (Швеция, Финляндия, Норвегия, Канада, США), показывают, что, например, при существенно меньшей площади лесов скандинавские страны обеспечивают значительно более высокую интенсивность лесопользования и экономический возврат, опираясь на преобладание частной собственности и интенсивные модели ведения лесного хозяйства [Angelstam et al., 2017; Elbakidze et al., 2013]. В этой связи использование заброшенных сельхозземель, находящихся в частной собственности, для целей лесного хозяйства, особенно для целей плантационного лесовыращивания, рассматривается как один из ключевых потенциальных стимулов реформирования российского лесного комплекса [Шварц и др., 2020; Шварц, Шматков, 2020].

Цель настоящей работы – проанализировать правовые механизмы развития частного лесовладения на землях сельскохозяйственного назначения в России, оценить потенциал вовлечения выбывших из оборота сельхозземель в лесохозяйственный оборот и сопоставить возможные направления реформ с опытом стран бореального пояса.

Материалы и методика исследования. Исследование выполнено с применением сравнительно-правового и системно-аналитического методов. Информационную базу составили: нормативные правовые акты Российской Федерации; данные Глобальной оценки лесных ресурсов ФАО ООН по шести странам бореального пояса; Государственные (национальные) доклады о состоянии и использовании земель в Российской Федерации; отечественные и зарубежные рецензируемые научные публикации, а также официальная лесохозяйственная статистика Швеции (Skogsstyrelsen), Финляндии (Luke), Норвегии (NIBIO, SSB), Канады (Natural Resources Canada) и США (USDA Forest Service).

Результаты исследования.

1. Правовые основы ведения лесного хозяйства на землях сельскохозяйственного назначения

Современный правовой режим лесов в России определяется Лесным кодексом РФ 2006 года и смежными актами, закрепляющими принцип государственной собственности на лесной фонд при разнообразии форм лесопользования. Статья 6 Лесного кодекса РФ устанавливает, что леса могут располагаться на землях иных категорий, в том числе сельскохозяйственного назначения, а ст. 123 ЛК РФ устанавливает особенности использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, расположенных на землях данной категории, делегируя определение порядка их реализации уполномоченному федеральному органу исполнительной власти в области лесных отношений.

Земельный кодекс РФ (ст. 7) подразделяет земли на категории по целевому назначению, а ст. 77 ч. 2 относит к землям сельхозназначения пашни, сенокосы, пастбища, залежи, а также земли, занятые дорогами, коммуникациями и древесно-кустарниковой растительностью. При этом долгосрочное лесное хозяйство как самостоятельный вид использования этих земель в ЗК РФ не выделяется, что создаёт системную правовую коллизию.

Правовую основу проблемы частного лесовладения на землях сельскохозяйственного назначения формирует именно эта коллизия между двумя кодексами. Земельный кодекс РФ (ст. 42) и ст. 6 Федерального закона № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» обязывают правообладателей использовать земельные участки по целевому назначению, а ненадлежащее использование влечёт административную ответственность (ч. 2 ст. 8.8 КоАП РФ: для граждан – от 0,3 до 0,5% кадастровой стоимости участка, но не менее 3 000 руб.; для юридических лиц – от 2 до 10% кадастровой стоимости, но не менее 200 000 руб.) и в дальнейшем потенциальное принудительное изъятие участка в судебном порядке. Согласно ст. 284 ГК РФ, изъятие возможно в случае неиспользования земельного участка по целевому назначению в течение трёх лет – этот срок является принципиальным, поскольку именно за три года заброшенный участок успевает зарости ДКР до степени, фиксируемой как признак нарушения, тогда как легальных инструментов для хозяйственного освоения этих насаждений не существовало [Родина, Закалюжная, 2023].

Практическим следствием описанной коллизии стала правовая ловушка для добросовестных землевладельцев. Заращение участка ДКР, происходившее нередко вопреки воле собственника в силу заброшенности угодий в постсоветский период, фиксировалось органами Россельхознадзора как факт неиспользования земли по целевому назначению в соответствии с перечнем признаков, закреплённым постановлением Правительства РФ от 18.09.2020 № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации». Плановые контрольные проверки влекли предписания об устранении нарушений и административные штрафы; при повторных нарушениях органы исполнительной власти субъекта или прокуратура были вправе инициировать принудительное изъятие участка через суд (ст. 284–285 ГК РФ, ст. 6 Закона № 101-ФЗ).

Согласно постановлению Правительства РФ от 18.09.2020 № 1482, наличие на пашне, сенокосах и пастбищах несанкционированной древесно-

кустарниковой растительности квалифицируется как признак неиспользования земельного участка по целевому назначению. Это означает, что зарастающий участок автоматически подпадает под действие нормативного перечня независимо от причин зарастания и влечет применение мер административной ответственности и гражданско-правовых последствий в виде угрозы изъятия. Единственным доступным для собственника «решением» нередко становилось механическое или пирогенное уничтожение сложившихся насаждений, что наносит очевидный экологический ущерб [Родина, Закалюжная, 2023; Жижин и др., 2021].

Законодательно урегулировать коллизию были предприняты попытки в два взаимосвязанных шага. Первым стало Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1482, обновившее перечень признаков неиспользования земель сельскохозяйственного назначения и исключившее из него наличие древесно-кустарниковой растительности в тех случаях, когда правообладатель использует участок для ведения лесного хозяйства в соответствии с установленными условиями. Вторым – принятое тремя днями позже Постановление Правительства РФ от 21.09.2020 № 1509 «Об особенностях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения», фактически легализовавшее частное лесное хозяйство на таких участках без их перевода в земли лесного фонда.

Перевод сельскохозяйственных земель в категорию земель лесного фонда формально может устранить указанную коллизию, но одновременно приводит к утрате их статуса сельхозугодий и усложняет режим землепользования для правообладателей. Более рациональным решением представляется не изменение категории земель, а закрепление лесного хозяйства как самостоятельного вида разрешённого использования в рамках земель сельскохозяйственного назначения.

Несмотря на существование ряда неурегулированных вопросов, Постановление № 1509 по данным некоторых авторов [Шварц и др., 2022] на начальном этапе реализации подтвердило свою востребованность: за первые два года его действия в территориальные органы Россельхознадзора поступило 2 487 уведомлений об использовании земельных участков сельскохозяйственного назначения для целей ведения лесного хозяйства в отношении 10 116 участков общей площадью 552,7 тыс. га (средний размер участка – около 55 га).

Вместе с тем принятые позже подзаконные акты не создали полноценного института частного лесовладения. Постановление № 1043 от 08.06.2022 существенно усложнило реализацию Постановления № 1509:

уведомительный порядок был заменён разрешительным – с обязательным согласованием территориального органа Федерального агентства лесного хозяйства (Рослесхоза), рассмотрением межведомственной комиссией и ограниченным сроком действия положительного решения. Одновременно введены жёсткие пороговые критерии (площадь участка более 0,5 га, высота деревьев более 5 м, лесной покров более 75%, сомкнутость крон 0,8–1 – все четыре признака одновременно), существенно сужающие круг участков, к которым Положение применимо. Порядок оформления прав на насаждения, механизм их инвентаризации и включения в государственный лесной реестр по-прежнему отсутствуют [Родина, Закалюжная, 2023; Шварц и др., 2022; Дубенок и др., 2020]. Таким образом, проблема лесопользования на землях сельскохозяйственного назначения по сей день остаётся нерешённой.

2. Международный опыт и модели частного лесовладения

По данным Глобальной оценки лесных ресурсов (FRA) 2025 года, страны бореального пояса демонстрируют широкий спектр сочетаний государственной и частной собственности на леса [FAO, 2025]. В Норвегии, Швеции и Финляндии доминируют частные и семейные лесовладения; в Канаде преобладают государственные леса, используемые на основе долгосрочных концессий; в США наблюдается сочетание частных, корпоративных и государственных лесов с сильной региональной дифференциацией (табл. 1).

Таблица 1

Структура лесовладения в странах бореального пояса

Structure of forest ownership in boreal countries

Страна	Доля частного лесовладения, %	Доля государственного владения, %	Площадь лесов, млн га
Россия	0	100	828,4
США	57,6	42,4	308,9
Канада	8,7	90,5	369,0
Швеция	74,6	25,3	27,9
Финляндия	68,9	30,8	22,5
Норвегия	83,2	12,3	12,1

Примечание. Данные FRA 2025 (базовый год – 2020). Сумма долей частного и государственного владения может не составлять 100% ввиду наличия иных форм собственности. Для Норвегии разница (4,5%) соответствует категории «Unknown (d)» в отчёте FRA 2025 – лесам, по которым форма собственности официально не установлена (546,81 тыс. га).

Сравнение показателей лесного хозяйства по странам позволяет выделить принципиальные различия в эффективности управления лесными ресурсами. По данным ФАО (FRA 2025), объём лесозаготовки в России составляет 188,0 млн м³ в год (табл. 2); по данным Рослесхоза, в 2022 году этот показатель достигал 194,6 млн м³, что объясняется различиями в методологии учёта. Суммарная вырубка леса в Швеции в 2022 году составила 95,8 млн м³ [Skogsstyrelsen, 2023], что соответствует ~51% от российского показателя по данным Рослесхоза за тот же год; по данным FRA 2025 (базовый год – 2020) годовая заготовка в Швеции составляла 88,9 млн м³ (табл. 2).

Таблица 2

Основные показатели лесных ресурсов по странам бореального пояса

Main indicators of forest resources in boreal countries

Страна	Площадь лесов, млн га	Общий запас, млн м ³	Запас на 1 га, м ³	Годовой прирост, млн м ³	Прирост на 1 га/год, м ³	Годовая заготовка, млн м ³
Россия	828,4	125 677,0	150,9	1 063,0 ¹	1,28	188,0
США	308,9	45 770,0	148,2	708,0 ²	2,29	369,0 ²
Канада	369,0	50 384,0	136,6	–	–	129,5 ³
Швеция	27,9	3 544,8	126,9	114,0	4,08	88,9 ⁴
Финляндия	22,5	2 538,6	112,6	103,0 ⁵	4,57	76,0 ⁶
Норвегия	12,1	1 184,2	97,8	24,6 ⁶	2,03	12,8 ⁷

Примечание. Данные по всем странам, за исключением случаев, отмеченных сносками, взяты из отчётов по странам FAO Global Forest Resources Assessment 2025 г. (базовый год – 2020).

Это характеризует огромный разрыв в интенсивности использования лесных ресурсов стран, находящихся в схожих климатических условиях. Эти различия подтверждаются также сравнением объёмов искусственного

¹ [Филипчук и др., 2022]

² [Oswalt et al., 2019]

³ [Natural Resources Canada, 2024]

⁴ [Skogsstyrelsen, 2023]

⁵ [Luke, 2023]

⁶ Данные приведены без коры (under bark). [SSB, 2023]

лесовосстановления, площади рубок ухода и величины заготовки в расчёте на гектар сплошных рубок, где Россия заметно уступает скандинавским странам [Шварц и др., 2022].

Финляндия, где 69% площади лесов находится в частной собственности, демонстрирует максимальный коэффициент освоения расчётного ежегодного прироста: при среднегодовом приросте 103 млн м³ фактические рубки в 2019–2023 гг. составляли 69–76 млн м³/год, то есть осваивалось 67–74% ежегодного прироста [FAO, 2025]. В Швеции (75% частного владения) общий лесной запас вырос с 3 185 млн м³ (1990) до 3 545 млн м³ (2020) несмотря на высокий объём лесозаготовок [FAO, 2025]. В Норвегии запас вырос почти втрое с 1925 г. – с ~400 до 1 184 млн м³ к 2020 г., – что объясняется сочетанием активного лесоправления и последовательного развития частной инициативы [FAO, 2025; Norsk institutt for bioøkonomi, 2023]. Данные таблиц 1 и 2, взятые совместно, выявляют устойчивую закономерность: страны с высокой долей частного лесовладения (Норвегия – 83%, Швеция – 75%, Финляндия – 69%), в целом, демонстрируют более высокие показатели прироста на 1 га (2,03; 4,08; и 4,57 м³/га/год соответственно), тогда как Россия при 100% государственной собственности этот показатель составляет лишь 1,28 м³/га/год. Эта закономерность согласуется с выводами исследователей, которые при сопоставлении российского (на основе государственной собственности) и шведского (децентрализованного) подходов к лесному хозяйству заключили, что именно различия в лесоправлении и структуре собственности влияют на биопродуктивность и показатели освоения расчётной лесосеки [Angelstam et al., 2017; Elbakidze et al., 2013].

Россия, при крупнейшей в мире лесной площади (828,4 млн га) и наибольшем абсолютном приросте (1 063 млн м³/год), демонстрирует наихудший среди рассматриваемых стран показатель прироста на 1 га и наименьший коэффициент освоения расчётной лесосеки – в отдельные годы фактическая заготовка составляет лишь около 25% от расчётной лесосеки в среднем по стране [Писаренко, Страхов, 2004; FAO, 2025]. При этом официальная расчётная лесосека в ряде важнейших лесопромышленных регионов не превышает 35% от установленной [Соколов и др., 2017], что свидетельствует об одновременном завышении нормативов и недоосвоении даже заниженных показателей. Ключевой проблемой российской модели остаётся ориентация на экстенсивное освоение пространственного ресурса, а не на управление лесом как воспроизводимым капиталом [Писаренко, Страхов, 2004; Книзе, Романюк, 2004; Шварц, Шматов, 2020].

Международный опыт показывает, что переход от «лесного рудника» к устойчивому интенсивному лесоуправлению потребовал в скандинавских странах нескольких десятилетий системных преобразований [Angelstam et al. 2019]. Например, в Швеции основы современной лесной политики были заложены ещё в лесном законе 1903 г., однако принципиальный сдвиг произошёл в 1993 г., когда правительство впервые уравнило производственные и экологические цели лесопользования [FAO, 2025]. При этом частное лесовладение играет ключевую роль в современной шведской модели – частные собственники – в совокупности владеющие 74,6% лесного фонда страны – концентрируют в своих руках 48% продуктивных лесных земель, доступных для промышленной эксплуатации, и обеспечивают 59% годового объема лесозаготовок [Kronholm et al., 2020]. По данным FRA 2025 частные владельцы контролируют 74,6% общей площади лесов Швеции, тогда как 48% относятся только к продуктивным лесным землям по национальной статистике [FAO, 2025; Kronholm et al., 2020]. В Канаде эволюция лесной политики шла по пути постепенного разграничения полномочий между федеральным правительством и провинциями при одновременном ужесточении экологических стандартов для концессионеров [Жидкова, 2025]. При этом 10–11% лесов в Канаде, находящихся в частной собственности, обеспечивают около 19–20% от общего объема лесозаготовок в стране [Private forest...].

Частные лесовладельцы в этих странах осуществляют лесохозяйственную деятельность с долгосрочным инвестиционным горизонтом, превышающим продолжительность одного оборота рубки [FAO, 2025]. Фактически же реальный горизонт планирования определяется сроком действия лесохозяйственного регламента лесничества, который разрабатывается на 10 лет⁷, что заведомо исключает долгосрочные инвестиции в создание и ведение лесных культур, развитие лесной инфраструктуры и интенсивное лесное хозяйство на таких участках.

Кроме того, существующий в Российской Федерации механизм аренды лесов не стимулирует арендаторов к инвестициям в лесовосстановление и систему ведения лесного хозяйства [Миронов, Селименков, 2014]. Хорошей иллюстрацией этого является статистика по созданию лесных культур и рубкам ухода. Лесные культуры составляют лишь около 1/5 общей площади лесовосстановления, то есть большая часть сплошных вырубок оставляется

⁷ Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (в ред. действующей на 25.03.2026)

под естественное лесозаращивание. При этом площадь молодняков, пройденных некоммерческими рубками осветления и прочистки, снижается и уже почти сравнялась с площадью искусственного лесовосстановления. В то же время опыт Швеции и Финляндии показывает, что площадь некоммерческих рубок ухода должна превышать площадь лесных культур в 2–3 раза [Шварц и др., 2022].

Сравнительные исследования подтверждают, что именно отсутствие своевременного ухода за молодняками является ключевой причиной снижения прироста ели в России: если в Швеции 100% молодых еловых насаждений прошли осветление, то в России – лишь 5% [Angelstam et al., 2017].

3. Заброшенные сельхозземли как ресурсная база для частного лесовладения в России

С формально-правовой точки зрения частные леса в России отсутствуют. Это принципиально отличает страну от Финляндии и Швеции, где ~69–75% лесного фонда находится в частной собственности [FAO, 2025]. Согласно ст. 8 Лесного кодекса РФ, лесные участки в составе земель лесного фонда находятся в федеральной собственности, другие формы собственности на земли лесного фонда исключены.

Данные международной статистики подтверждают это: частное лесовладение в России официально отсутствует (табл. 1).

Однако фактически значительные площади лесных насаждений существуют за пределами лесного фонда – на землях сельскохозяйственного назначения, находящихся в частной собственности. Пунктом 2 статьи 8 ЛК РФ указано, что формы собственности на лесные участки в составе земель иных категорий определяются в соответствии с земельным законодательством.

По данным Государственного доклада о состоянии и использовании земель РФ, на 01.01.2025 в собственности граждан находится 104 833,3 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения, а в собственности юридических лиц – 25 393,7 тыс. га. Таким образом, суммарно в частной собственности находится 130 227,0 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения, что составляет 34,8% от всей площади земель этой категории.

При этом, судя по отчетным документам, доля таких земель, находящихся в частной собственности, существенно выросла за период с 2022 года, когда она составляла 127 627,3 тыс. га, что соответствовало 33,97% от всей площади земель этой категории [Государственный (национальный) доклад...].

Согласно тому же отчету, только учтенных нарушений, связанных с зарастанием земельных участков сорной, древесной и кустарниковой растительностью и неиспользованием для ведения сельского хозяйства в 2024 году было выявлено на площади 2,2 млн га [Государственный (национальный) доклад...]. Выявленные нарушения – лишь малая часть от общего объема заброшенных земель. Суммарная же площадь заброшенных сельхозземель оценивается в 76 млн га с прогнозом роста до 100 млн га к 2030-м годам [Родина, Закалюжная, 2023; Ярошенко, 2026].

Большая часть этих земель либо уже сформировала лесные насаждения, либо находится на разных стадиях зарастания ДКР [Новоселова и др., 2016; Беляева и др., 2019; Жижин и др., 2021]. Исследования показывают высокую лесохозяйственную ценность бывших с/х угодий: искусственные насаждения лиственницы Сукачева в 60-летнем возрасте обеспечивают запас стволовой древесины до 740 м³/га при среднем приросте 7,5–12,3 м³/га в год и относятся к 1а классу бонитета [Залесов и др., 2022]. Для сравнения: средний прирост по лесному фонду России составляет лишь 1,28 м³/га/год (таблица 2). Созданные в Пермском крае лесные культуры хвойных пород демонстрируют приросты и запасы, существенно превышающие средние показатели таких насаждений: культуры сосны к 120 годам – 720 м³/га, смешанные культуры сосны и ели к 95-119 годам – 658 м³/га [Рогозин, Разин, 2011].

Таким образом, плантации лесных культур на землях сельскохозяйственного назначения по продуктивности могут превышать средний показатель по стране в 6–10 раз.

Для плантационного выращивания на бывших сельскохозяйственных угодьях целесообразно применять сокращённый оборот рубки, что минимизирует экономические риски и обеспечивает более раннее получение товарной продукции, снижая зависимость результата от долгосрочных рыночных и экологических колебаний. В современных условиях бурного развития плантационного лесовыращивания во всем мире именно сокращённый оборот рубки может стать стратегическим ориентиром для российского сектора лесной промышленности.

Выход из ситуации неопределённого правового статуса лесного хозяйства на землях сельскохозяйственного назначения может дать принципиально новые импульсы для развития лесного комплекса. Заросшие лесом земли сельскохозяйственного назначения часто находятся в непосредственной близости от развитой дорожной и промышленной инфраструктуры, что кардинально выгоднее длинного плеча вывозки, характерного для традиционных лесопромышленных районов [Gerasimov et al., 2013]. Опыт

скандинавских стран убедительно демонстрирует, что частные владельцы со средним размером лесного участка 34–48 га способны обеспечивать подавляющую долю промышленной заготовки древесины [Fridén et al., 2024; Näyginen et al., 2017]. Именно дробная, но хорошо организованная частная собственность, подкреплённая государственной системой консультационной поддержки и долгосрочными инструментами планирования, определяет высокую продуктивность лесного хозяйства в этих странах. Применительно к России это означает, что даже при сохранении государственной собственности на земли лесного фонда легализация частного лесовладения на заброшенных сельскохозяйственных угодьях способна создать конкурентоспособный сегмент интенсивного лесопользования, опирающийся на уже имеющийся земельный и ресурсный потенциал.

Заключение. Проведённый анализ позволяет утверждать, что правовой режим использования земель сельскохозяйственного назначения для целей лесовыращивания в Российской Федерации остаётся неурегулированным, несмотря на предпринятые в 2020–2022 гг. шаги по его нормативной корректировке. Сохраняющаяся коллизия между Лесным и Земельным кодексами, а также последующее изменение подходов к реализации Постановления № 1509 привели к ситуации, при которой собственники частных земель, на которых сформировались лесные биогеоценозы, не имеют легальных инструментов для их долгосрочного лесохозяйственного освоения. Фактически эти земли остаются в «правовой серой зоне», где формальное требование использования по целевому назначению вступает в противоречие с объективно сложившимся лесным ресурсным потенциалом.

Перспективы развития частного лесовладения на землях сельхозназначения в России связаны с необходимостью системного устранения правовых противоречий. Ключевыми направлениями, вытекающими из проведённого исследования, являются: законодательное закрепление ведения лесного хозяйства как самостоятельного вида использования земель сельскохозяйственного назначения без перевода их в иную категорию; создание механизма инвентаризации и учёта лесных насаждений на таких землях с последующим внесением в государственный лесной реестр; а также введение инструментов регулирования, позволяющих собственникам реализовывать сокращённые обороты рубки, минимизируя экономические риски и обеспечивая возврат инвестиций.

Таким образом, использование выбывших из оборота сельхозземель, находящихся в частной собственности, для целей плантационного лесовыращивания способно не только снять существующие правовые конфликты,

но и стать стимулом роста отечественного лесного комплекса, создав предпосылки для перехода от экстенсивного освоения пространственного ресурса к интенсивному управлению лесом как воспроизводимым капиталом.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Библиографический список

Агроэкологическое состояние и перспективы использования земель России, вышедших из активного сельскохозяйственного оборота / под ред. Г.А. Романенко. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. 64 с.

Беляева Н.В., Данилов Д.А., Каза И.А. Особенности естественного возобновления ели европейской на постагrogenных землях // Актуальные проблемы лесного комплекса. 2019. Вып. 54. С. 6–10.

Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2024 году / Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. М.: Росреестр, 2025. 203 с.

Гульбе Я.И., Гульбе А.Я., Гульбе Т.А. Динамика биологической продуктивности молодняка ольхи серой на залежи // Актуальные проблемы лесного комплекса. 2017. Вып. 47. С. 13–16.

Дубенок Н.Н., Танюкевич В.В., Михин В.И., Кулик А.В., Хмелева Д.В., Кваша А.А. К вопросу о проведении инвентаризации защитных лесных насаждений на землях сельскохозяйственного назначения (на примере Ростовской области) // Лесохозяйственная информация. 2020. № 4. С. 61–71. DOI: 10.24419/LNI.2304-3083.2020.4.06

Жигунов А.В., Данилов Д.А., Красновидов А.Н., Эндерс О.О. Создание высокопродуктивных лесонасаждений на землях, вышедших из активного сельскохозяйственного оборота // Вестник Башкирского государственного аграрного университета. 2014. № 3 (31). С. 85–90.

Жижин С.М., Магасумова А.Г., Оплетев А.С. Заращение древесной растительностью сельскохозяйственных угодий в южной подзоне тайги Республики Удмуртия // Вестник Бурятской сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова. 2021. № 2 (63). С. 84–91.

Жидкова Е.В. Анализ опыта применения лесного законодательства в лесах Канады разных форм собственности // Лесохозяйственная информация. 2025. № 1. С. 108–120. DOI: 10.24419/LNI.2304-3083.2025.1.10

Залесов С.В., Юровских Е.В., Белов Л.А., Магасумова А.Г., Оплетев А.С. Рост лиственных древостоев на бывших пашнях // Аграрный вестник Урала. 2015. № 5 (135). С. 50–54.

Залесов С.В., Жижин С.М., Магасумова А.Г., Оплетев А.С., Платонов Е.П. Повышение эффективности использования бывших сельскохозяйственных угодий // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. 2022. Вып. 239. С. 104–116. DOI: 10.21266/2079-4304.2022.239.104-116

Книзе А., Романюк Б. О двух точках зрения на российский лес и лесное хозяйство // Устойчивое лесопользование. 2004. № 4 (6). С. 21–28.

Миронов А.В., Селименков Р.Ю. К вопросу о развитии концессионных отношений в лесном хозяйстве региона // Проблемы развития территории. 2014. № 4 (72). С. 117–126.

Новоселова Н.Н., Залесов С.В., Магасумова А.Г. Формирование древесной растительности на бывших сельскохозяйственных угодьях. Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2016. 106 с. URL: <http://elar.usfeu.ru/bitstream/123456789/6237/1/Novoselova.pdf> (дата обращения: 25.03.2026).

Писаренко А.И., Страхов В.В. Лесное хозяйство России: от использования к управлению. М.: ИД «Юриспруденция», 2004. 552 с.

Родина М.Е., Закалюжная Н.В. Выращивание леса на землях сельскохозяйственного назначения в России: законодательные новеллы и их реализация // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1, № 2. С. 34–46. DOI: 10.23947/2949-1843-2023-1-2-34-46

Рогозин М.В., Разин Г.С. Лесные культуры А.Е. и Ф.А. Теплоуховых и современный научный поиск // Вестник Пермского университета. Биология. 2011. № 2. С. 10–17.

Соколов В.А., Соколова Н.В., Втюрина О.П., Лапин Е.А. Прогноз динамики лесов Красноярского края // Сибирский лесной журнал. 2017. № 4. С. 91–100.

Филипчук А.Н., Малышева Н.В., Золина Т.А., Федоров С.В., Бердов А.М., Косицын В.Н., Югов А.Н., Кинигопуло П.С. Аналитический обзор количественных и качественных характеристик лесов Российской Федерации: итоги первого цикла государственной инвентаризации лесов // Лесохозяйственная информация. 2022. № 1. С. 5–34. DOI: 10.24419/LHI.2304-3083.2022.1.01

Шварц Е.А., Стариков И.В., Харламов В.С., Голунов Р.Ю., Кобяков А.В., Луковцев Ф.Ю., Птичников А.В., Тюленева О.В., Шматков Н.М., Щеголев А.А., Ярошенко А.Ю. Новый взгляд: предложения в проект Стратегии развития лесного комплекса // Устойчивое лесопользование. 2020. № 4 (63). С. 2–25.

Шварц Е.А., Шматков Н.М. Мифы и проблемы реформирования лесного хозяйства России // Общественные науки и современность. 2020. № 3. С. 35–53. DOI: 10.31857/S086904990010068-6

Шварц Е.А., Шматков Н.М., Карпачевский М.Л., Байбар А.С. Вызовы и проблемы реформирования лесного хозяйства России // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. 2022. Вып. 241. С. 157–172. DOI: 10.21266/2079-4304.2022.241.157-172

Ярошенко А.Ю. Сельское лесоводство в России: ситуация на начало 2026 года / Ассоциация «Охрана природы» // Лесной форум Гринпис России. 2026. URL: <https://forest.earthtouches.me/wiki/tpost/7ayyu6ps1-selskoe-lesovodstvo-v-rossii-situatsiya> (дата обращения: 25.03.2026).

Angelstam P., Naumov V., Elbakidze M. Transitioning from Soviet wood mining to sustainable forest management by intensification: Are tree growth rates different in

northwest Russia and Sweden? *Forestry*. 2017. Vol. 90, No. 2. P. 292–303. DOI: 10.1093/forestry/cpw055

Angelstam P., Elbakidze M., Axelsson R., Khoroshev A., Tysiachniouk M., Zabubenin E. Model forests in Russia as landscape approach: Demonstration projects or initiatives for learning towards sustainable forest management? // *Forest Policy and Economics*. 2019. Vol. 101. P. 96–110. DOI: 10.1016/j.forpol.2019.01.005

Elbakidze M., Andersson K., Angelstam P., Armstrong G.W., Axelsson R., Doyon F., Hermansson M., Jacobsson J., Pautov Y. Sustained yield forestry in Sweden and Russia: How does it correspond to sustainable forest management policy? // *Ambio*. 2013. Vol. 42, No. 2. P. 175–188. DOI: 10.1007/s13280-012-0370-6

FAO. Global Forest Resources Assessment 2025. Country Reports: Russia, Sweden, Finland, Norway, Canada, USA. – Rome: FAO, 2025. URL: <https://www.fao.org/forest-resources-assessment/en/> (дата обращения: 25.03.2026).

Fridén A., D'Amato D., Ekström H., Iliev B., Nebasifu A., May W., Thomsen M., Droste N. Mapping two centuries of forest governance in Nordic countries: An open access database // *Forest Policy and Economics*. 2024. Vol. 160. Article 103142. DOI: 10.1016/j.forpol.2023.103142

Gerasimov Y., Senko S., Karjalainen T. Prospects of forest road infrastructure development in northwest Russia with proven Nordic solutions // *Scandinavian Journal of Forest Research*. 2013. Vol. 28, No. 5. P. 453–460. DOI: 10.1080/02827581.2013.838299

Häyriäinen L., Mattila O., Berghäll S., Närhi M., Toppinen A. Exploring the future use of forests: perceptions from non-industrial private forest owners in Finland // *Scandinavian Journal of Forest Research*. 2017. Vol. 32, No. 4. P. 327–336. DOI: 10.1080/02827581.2016.1220619

Kronholm T., Bengtsson D., Bergström D. Family Forest Owners' Perception of Management and Thinning Operations in Young Dense Forests: A Survey from Sweden // *Forests*. 2020. Vol. 11, No. 11. Article 1151. DOI: 10.3390/f11111151

Luke (Luonnonvarakeskus). Finnish National Forest Inventory. – Helsinki: Luke, 2023. URL: <https://www.luke.fi/en/statistics/forest-resources> (дата обращения: 25.03.2026).

Natural Resources Canada. The State of Canada's Forests: Annual Report 2024. Ottawa, 2024. URL: <https://natural-resources.canada.ca/sites/admin/files/documents/2025-07/StateofForestReport-2024-EN.pdf> (дата обращения: 25.03.2026).

Norsk institutt for bioøkonomi (NIBIO). Landsskogtakseringen. Oslo: NIBIO, 2023. URL: <https://www.nibio.no/tema/skog/landsskogtakseringen> (дата обращения: 25.03.2026).

Oswalt S.N., Smith W.B., Miles P.D., Pugh S.A. Forest Resources of the United States, 2017. Gen. Tech. Rep. WO-97. Washington, DC: USDA Forest Service, 2019. 223 p.

Private Forests in Canada / Canadian Forest Owners Association. URL: <https://www.forestowners.ca> (дата обращения: 25.03.2026).

Skogsstyrelsen. Swedish Statistical Yearbook of Forestry 2023. Jönköping: Skogsstyrelsen, 2023. URL: <https://www.skogsstyrelsen.se/en/statistics/> (дата обращения: 25.03.2026).

SSB (Statistics Norway). Skogavvirkning for salg. Oslo: SSB, 2023. URL: <https://www.ssb.no/en/jord-skog-jakt-og-fiskeri/skogbruk/statistikk/skogavvirkning-for-salg> (дата обращения: 25.03.2026).

Zalesov S.V., Magasumova A.G., Opletaev A.S. Effectiveness of larch stands creation on former agricultural lands // *Ecological Agriculture and Sustainable Development: Research Development Center*. 2019. No. 1. P. 69–76.

References

Agroekologicheskoye sostoyaniye i perspektivy ispolzovaniya zemel Rossii, vyshedshikh iz aktivnogo selskokhozyaystvennogo oborota [Agroecological status and prospects for use of Russia's lands that have left active agricultural circulation] / ed. by G.A. Romanenko. Moscow: FGUN "Rosinformagrotekh", 2008, 64 p. (In Russ.)

Belyaeva N.V., Danilov D.A., Kaza I.A. Osobennosti estestvennogo vozobnovleniya eli yevropeyskoy na postagrogennykh zemlyakh [Features of natural Norway spruce regeneration on post-agricultural lands]. *Aktualnyye problemy lesnogo kompleksa* [Current Issues of the Forest Complex], 2019, iss. 54, pp. 6–10. (In Russ.)

State (National) Report on the State and Use of Lands of the Russian Federation in 2024 / Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography. Moscow: Rosreestr, 2025, 203 p. (In Russ.)

Gulbe Ya.I., Gulbe A.Ya., Gulbe T.A. Dinamika biologicheskoy produktivnosti molodnyaka olkhi seroy na zalezhi [Dynamics of biological productivity of grey alder young stands on fallow lands]. *Aktualnyye problemy lesnogo kompleksa* [Current Issues of the Forest Complex], 2017, iss. 47, pp. 13–16. (In Russ.)

Dubenok N.N., Tanyukevich V.V., Mikhin V.I., Kulik A.V., Khmeleva D.V., Kvasha A.A. To the question of inventory of protective forest stands on agricultural lands (case study of the Rostov Region). *Lesokhozyaystvennaya informatsiya* [Forestry Information], 2020, no. 4, pp. 61–71. DOI: 10.24419/LHI.2304-3083.2020.4.06 (In Russ.)

Zhigunov A.V., Danilov D.A., Krasnovidov A.N., Enders O.O. Sozdaniye vysokoproduktivnykh lesonasazhdeniy na zemlyakh, vyshedshikh iz aktivnogo selskokhozyaystvennogo oborota [Establishment of highly productive forest stands on lands that have left active agricultural circulation]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Bashkir State Agrarian University], 2014, no. 3 (31), pp. 85–90. (In Russ.)

Zhizhin S.M., Magasumova A.G., Opletaev A.S. Zarastaniye drevesnoy rastitelnostyu selskokhozyaystvennykh ugodiy v yuzhnoy podzone taygi Respubliki Udmurtiya [Overgrowth of agricultural lands with woody vegetation in the southern taiga subzone of the Udmurt Republic]. *Vestnik Buryatskoy selskokhozyaystvennoy*

akademii im. V.R. Filippova [Bulletin of the Buryat State Academy of Agriculture], 2021, no. 2 (63), pp. 84–91. (In Russ.)

Zhidkova E.V. Analiz opyta primeneniya lesnogo zakonodatelstva v lesakh Kanady raznykh form sobstvennosti [Analysis of forest legislation application in Canadian forests of different ownership forms]. *Lesokhozyaystvennaya informatsiya* [Forestry Information], 2025, no. 1, pp. 108–120. DOI: 10.24419/LHI.2304-3083.2025.1.10 (In Russ.)

Zalesov S.V., Yurovskikh E.V., Belov L.A., Magasumova A.G., Opletaev A.S. Rost listvennichnykh drevostoyev na byvshikh pashn'yakh [Growth of larch stands on former arable lands]. *Agrarnyy vestnik Urala* [Agrarian Bulletin of the Urals], 2015, no. 5 (135), pp. 50–54. (In Russ.)

Zalesov S.V., Zhizhin S.M., Magasumova A.G., Opletaev A.S., Platonov E.P. Povysheniye effektivnosti ispolzovaniya byvshikh selskokhozyaystvennykh ugodiy [Improving the efficiency of former agricultural lands use]. *Izvestia Sankt-Peterburgskoy Lesotekhnicheskoy Akademii* [Proceedings of the Saint Petersburg Forestry Academy], 2022, iss. 239, pp. 104–116. DOI: 10.21266/2079-4304.2022.239.104-116 (In Russ.)

Knize A., Romanyuk B. O dvukh tochkakh zreniya na rossiyskiy les i lesnoye khozyaystvo [On two viewpoints on Russian forests and forestry]. *Ustoychivoye lesopolzovaniye* [Sustainable Forest Management], 2004, no. 4 (6), pp. 21–28. (In Russ.)

Mironov A.V., Selimenkov R.Yu. K voprosu o razvitiy kontsessionnykh otnosheniy v lesnom khozyaystve regiona [On the issue of developing concession relations in regional forestry]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory Development], 2014, no. 4 (72), pp. 117–126. (In Russ.)

Novoselova N.N., Zalesov S.V., Magasumova A.G. Formirovaniye drevesnoy rastitelnosti na byvshikh selskokhozyaystvennykh ugodyakh [Formation of woody vegetation on former agricultural lands]. Yekaterinburg: Ural State Forest Engineering University, 2016, 106 p. URL: <http://elar.usfeu.ru/bitstream/123456789/6237/1/Novoselova.pdf> (accessed March 25, 2026). (In Russ.)

Pisarenko A.I., Strakhov V.V. Lesnoye khozyaystvo Rossii: ot ispolzovaniya k upravleniyu [Forestry of Russia: from use to management]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2004, 552 p. (In Russ.)

Rodina M.E., Zakalyuzhnaya N.V. Growing forests on agricultural land in Russia: legislative novelties and their implementation. *Pravovoy poryadok i pravovye tsennosti* [Law and Order and Legal Values], 2023, vol. 1, no. 2, pp. 34–46. DOI: 10.23947/2949-1843-2023-1-2-34-46 (In Russ.)

Rogozin M.V., Razin G.S. Lesnyye kultury A.Ye. i F.A. Teploukhov i sovremennyy nauchnyy poisk [Forest plantations of A.E. and F.A. Teploukhov and modern scientific research]. *Vestnik Permskogo universiteta. Biologiya* [Bulletin of Perm University. Biology], 2011, no. 2, pp. 10–17. (In Russ.)

Sokolov V.A., Sokolova N.V., Vtyurina O.P., Lapin E.A. Prognoz dinamiki lesov Krasnoyarskogo kraya [Forecast of forest dynamics in Krasnoyarsk Krai]. *Sibirskiy lesnoy zhurnal* [Siberian Journal of Forest Science], 2017, no. 4, pp. 91–100. (In Russ.)

Filipchuk A.N., Malysheva N.V., Zolina T.A., Fedorov S.V., Berdov A.M., Kositsyn V.N., Yugov A.N., Kinigopulo P.S. Analytical review of quantitative and qualitative characteristics of forests of the Russian Federation: results of the first cycle of state forest inventory. *Lesokhozyaystvennaya informatsiya* [Forestry Information], 2022, no. 1, pp. 5–34. DOI: 10.24419/LHI.2304-3083.2022.1.01 (In Russ.)

Schwartz E.A., Starikov I.V., Kharlamov V.S., Golunov R.Yu., Kobayakov A.V., Lukovtsev F.Yu., Ptichnikov A.V., Tyuleneva O.V., Shmatkov N.M., Shchegolev A.A., Yaroshenko A.Yu. Novyy vzglyad: predlozheniya v proyekt Strategii razvitiya lesnogo kompleksa [New perspective: proposals for the draft Strategy for the Development of the Forest Sector]. *Ustoychivoye lesopolzovaniye* [Sustainable Forest Management], 2020, no. 4 (63), pp. 2–25. (In Russ.)

Schwartz E.A., Shmatkov N.M. Mify i problemy reformirovaniya lesnogo khozyaystva Rossii [Myths and issues of Russian forestry reform]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 2020, no. 3, pp. 35–53. DOI: 10.31857/S086904990010068-6 (In Russ.)

Schwartz E.A., Shmatkov N.M., Karpachevsky M.L., Baybar A.S. Vyzovy i problemy reformirovaniya lesnogo khozyaystva Rossii [Challenges and problems of Russian forestry reform]. *Izvestia Sankt-Peterburgskoy Lesotekhnicheskoy Akademii* [Proceedings of the Saint Petersburg Forestry Academy], 2022, iss. 241, pp. 157–172. DOI: 10.21266/2079-4304.2022.241.157-172 (In Russ.)

Yaroshenko A.Yu. Selskoye lesovodstvo v Rossii: situatsiya na nachalo 2026 goda [Agroforestry in Russia: situation at the beginning of 2026] / Association "Nature Conservation". *Lesnoy forum Grinpis Rossii* [Greenpeace Russia Forest Forum], 2026. URL: <https://forest.earthtouches.me/wiki/tpost/7ayyuu6psl-selskoe-lesovodstvo-v-rossii-situatsiya> (accessed March 25, 2026). (In Russ.)

Angelstam P., Naumov V., Elbakidze M. Transitioning from Soviet wood mining to sustainable forest management by intensification: Are tree growth rates different in northwest Russia and Sweden? *Forestry*, 2017, vol. 90, no. 2, pp. 292–303. DOI: 10.1093/forestry/cpw055

Angelstam P., Elbakidze M., Axelsson R., Khoroshev A., Tysiachniouk M., Zabubenin E. Model forests in Russia as landscape approach: Demonstration projects or initiatives for learning towards sustainable forest management? *Forest Policy and Economics*, 2019, vol. 101, pp. 96–110. DOI: 10.1016/j.forpol.2019.01.005

Elbakidze M., Andersson K., Angelstam P., Armstrong G.W., Axelsson R., Doyon F., Hermansson M., Jacobsson J., Pautov Y. Sustained yield forestry in Sweden and Russia: How does it correspond to sustainable forest management policy? *Ambio*, 2013, vol. 42, no. 2, pp. 175–188. DOI: 10.1007/s13280-012-0370-6

FAO. Global Forest Resources Assessment 2025. Country Reports: Russia, Sweden, Finland, Norway, Canada, USA. Rome: FAO, 2025. URL: <https://www.fao.org/forest-resources-assessment/en/> (accessed March 25, 2026).

Fridén A., D'Amato D., Ekström H., Iliev B., Nebasifu A., May W., Thomsen M., Droste N. Mapping two centuries of forest governance in Nordic countries: An open

access database. *Forest Policy and Economics*, 2024, vol. 160, article 103142. DOI: 10.1016/j.forpol.2023.103142

Gerasimov Y., Senko S., Karjalainen T. Prospects of forest road infrastructure development in northwest Russia with proven Nordic solutions. *Scandinavian Journal of Forest Research*, 2013, vol. 28, no. 5, pp. 453–460. DOI: 10.1080/02827581.2013.838299

Häyrinen L., Mattila O., Berghäll S., Närhi M., Toppinen A. Exploring the future use of forests: perceptions from non-industrial private forest owners in Finland. *Scandinavian Journal of Forest Research*, 2017, vol. 32, no. 4, pp. 327–336. DOI: 10.1080/02827581.2016.1220619

Kronholm T., Bengtsson D., Bergström D. Family Forest Owners' Perception of Management and Thinning Operations in Young Dense Forests: A Survey from Sweden. *Forests*, 2020, vol. 11, no. 11, article 1151. DOI: 10.3390/f11111151

Luke (Luonnonvarakeskus). Finnish National Forest Inventory. Helsinki: Luke, 2023. URL: <https://www.luke.fi/en/statistics/forest-resources> (accessed March 25, 2026).

Natural Resources Canada. The State of Canada's Forests: Annual Report 2024. Ottawa, 2024. URL: <https://natural-resources.canada.ca/sites/admin/files/documents/2025-07/StateofForestReport-2024-EN.pdf> (accessed March 25, 2026).

Norsk institutt for bioøkonomi (NIBIO). Landsskogtakseringen. Oslo: NIBIO, 2023. URL: <https://www.nibio.no/tema/skog/landsskogtakseringen> (accessed March 25, 2026).

Oswalt S.N., Smith W.B., Miles P.D., Pugh S.A. Forest Resources of the United States, 2017. Gen. Tech. Rep. WO-97. Washington, DC: USDA Forest Service, 2019, 223 p.

Private Forests in Canada / Canadian Forest Owners Association. URL: <https://www.forestowners.ca> (accessed March 25, 2026).

Skogsstyrelsen. Swedish Statistical Yearbook of Forestry 2023. Jönköping: Skogsstyrelsen, 2023. URL: <https://www.skogsstyrelsen.se/en/statistics/> (accessed March 25, 2026).

SSB (Statistics Norway). Skogavvirkning for salg. Oslo: SSB, 2023. URL: <https://www.ssb.no/en/jord-skog-jakt-og-fiskeri/skogbruk/statistikk/skogavvirkning-for-salg> (accessed March 25, 2026).

Zalesov S.V., Magasumova A.G., Opletaev A.S. Effectiveness of larch stands creation on former agricultural lands. *Ecological Agriculture and Sustainable Development: Research Development Center*, 2019, no. 1, pp. 69–76.

Материал поступил в редакцию 25.02.2026

Добровольский А.А., Валиев И.Н. Частное лесовладение на землях сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации: правовые основы и перспективы развития // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. 2026. Вып. 259. С. 195–214. DOI: 10.21266/2079-4304.2026.259.195-214

В работе представлен анализ правовых механизмов развития частного лесовладения на землях сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации, выполнена оценка потенциала вовлечения выбывших из оборота сельхозземель в лесохозяйственный оборот, а также проведено сопоставление возможных направлений реформ с опытом стран бореального пояса (Швеция, Финляндия, Норвегия, Канада, США). Исследование основано на анализе нормативно-правовых актов Российской Федерации, данных Глобальной оценки лесных ресурсов ФАО 2025, государственных докладов Росреестра, а также на обобщении результатов отечественных и зарубежных научных публикаций. Установлено, что правовой режим использования земель сельскохозяйственного назначения для лесоразведения в России остаётся неурегулированным. Коллизия между Лесным и Земельным кодексами, а также последующее изменение подходов к реализации Постановления Правительства РФ № 1509 не привели к созданию полноценного института частного лесовладения. В то же время, по данным Росреестра, на начало 2025 года в частной собственности находится 130,2 млн га земель сельскохозяйственного назначения, из которых, по оценкам исследователей, до 76 млн га заброшены и интенсивно зарастают древесно-кустарниковой растительностью. Потенциально такие земли могут быть использованы для создания высокопродуктивных плантационных насаждений. Правовое урегулирование использования сельхозземель для целей ведения лесного хозяйства способно снять существующие правовые коллизии и стать драйвером развития отечественного лесного комплекса. Для этого необходимо законодательно закрепить лесное хозяйство как самостоятельный вид использования земель сельскохозяйственного назначения, создать механизмы инвентаризации и учёта лесных насаждений на таких землях, а также внедрить долгосрочные инструменты регулирования, включая сокращённые обороты рубки.

Ключевые слова: частное лесовладение, земли сельскохозяйственного назначения, плантационное лесовыращивание, постагрогенные земли, продуктивность древостоев.

Dobrovolsky A.A., Valiev I.N. Private Forest Ownership on Agricultural Lands in the Russian Federation: Legal Framework and Development Prospects. *Izvestia Sankt-Peterburgskoj Lesotehniceskoj Akademii*, 2026, iss. 259, pp. 195–214 (in Russian with English summary). DOI: 10.21266/2079-4304.2026.259.195-214

This article examines the legal mechanisms governing the development of private forest ownership on agricultural lands in the Russian Federation, assesses the potential for integrating abandoned farmland into forestry use, and benchmarks possible reform trajectories against the experience of other boreal countries (Sweden, Finland, Norway, Canada, USA). The study draws on an analysis of Russian federal legislation, data from the FAO Global Forest Resources Assessment (FRA 2025), state land-use reports of Rosreestr, and a synthesis of domestic and international scientific literature. The

findings confirm that the legal framework for afforestation on agricultural lands remains unresolved. The conflict between the Forest Code and the Land Code of the Russian Federation, compounded by subsequent amendments to Government Decree No. 1509, has precluded the emergence of a fully-fledged private forest ownership institution. At the same time, according to Rosreestr data, as of the beginning of 2025, 130.2 million hectares of agricultural land are in private ownership, of which, according to researchers' estimates, up to 76 million hectares are abandoned and are being intensively overgrown with tree and shrub vegetation. Potentially, such lands could be used for the establishment of highly productive plantation stands. The legal regulation of the use of agricultural lands for forestry purposes has the potential to resolve existing legal conflicts and become a driver for the development of the domestic forest complex. To achieve this, it is necessary to legislatively establish forestry as an independent type of land use on agricultural lands, create mechanisms for the inventory and registration of forest stands on such lands, and implement long-term regulatory instruments, including shortened rotation cycles (short rotations).

Key words: private forest ownership, agricultural lands, forest plantations, post-agricultural lands, stand productivity.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Александр Александрович – доцент кафедры лесоводства Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета имени С.М. Кирова, доцент, кандидат сельскохозяйственных наук. SPIN-код: 7044-0571. ORCID: 0000-0002-6816-4912.

194021, Институтский пер., д. 5, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: alexander-83@yandex.ru

DOBROVOLSKY Alexander A. – PhD (Agriculture), Associate Professor of the Department of Silviculture, St.Petersburg State Forest Technical University, Associate Professor. SPIN-код: 7044-0571. ORCID: 0000-0002-6816-4912.

194021. Institute per. 5. St. Petersburg. Russia. E-mail: alexander-83@yandex.ru

ВАЛИЕВ Ильдар Нурисламович – магистрант кафедры лесоводства Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета имени С.М. Кирова.

194021, Институтский пер., д. 5, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: ivalievn@yandex.ru

VALIEV Ildar N. – MSc student, Department of Silviculture, St.Petersburg State Forest Technical University.

194021. Institute per. 5. St. Petersburg. Russia. E-mail: ivalievn@yandex.ru